

Ослушница переживет всех остальных детей Михаила Михайловича. У нее самой не будет потомства – она проведет остаток жизни с воспитанницей, называвшей ее «мама».¹³

В 1923 г. молодой ученый, в будущем первый директор московского музея Ф.М. Достоевского, Вера Степановна Нечаева не без трепета переступит порог старого трехэтажного петербургского дома, где бывал Достоевский. Ее встретит «пожилая женщина с очень правильным красивым лицом, седая, в гладком черном платье, с общим впечатком чего-то немецкого и старомодного». Трудно было поверить, что ей – 70 лет.

В уютной и тоже старомодной столовой протекут их многочасовые беседы. Можно представить чувство, охватившее В.С. Нечаеву, когда Екатерина Михайловна извлекла «заветный пожелтевший конверт» с *ненапечатанными* письмами Ф.М. и М.М. Достоевских. «Сейчас, – пишет В.С. Нечаева М.В. Волоцкому, – я уже веду переговоры в Пушкинском Доме о помещении их в журнале «Атеней» и, вероятно, получу за них 4–5 червонцев. Этого Екатерине Михайловне вполне достаточно для операции (по поводу болезни глаз. – И.В.)». Именно тогда в руки В.С. Нечаевой попали редакционные книги «Времени» и «Эпохи», переданные ею впоследствии в Отдел рукописей ГБЛ; понадобилось еще полвека, чтобы эти материалы увидели свет.

Дочь М.М. Достоевского передаст в московский музей «за ничтожную сумму, которую мы тогда могли ей предложить», бесценные рукописи и портреты. В.С. Нечаева, в свою очередь, поможет ей в хлопотах о пенсии, получение которой «облегчило их (с воспитанницей. – И.В.) быт, усложнившийся рождением ребенка, которого Екатерина Михайловна обожала, как внука».

Она умрет в 1932 г., в возрасте 79 лет, в городе «знакомом до слез», и вскоре ее прах затеряется среди праха сотен тысяч блокадников, легших на Пискаревке.

Ф.М.-младший и его потомство

Старшего ее на десять лет брата Федора (названного так понятно, в чью честь) Екатерина Михайловна переживет на четверть века. Тот, кого Достоевский «нянчил на руках», будет именоваться в семье Федором Михайловичем-младшим. В одном из писем 1847 г. автор «Двойника», жалуясь на свой «скверный отталкивающий характер», признается старшему брату, что он иногда «нарочно злился на Федю, которого любил в то же самое время даже больше тебя». «Странно, – замечает по этому поводу М.В. Волоцкой, – что он мог испытывать такие сложные и противоречивые чувства по отношению к трехлетнему ребенку, каким был тогда Федор Михайлович-младший».

Между тем тут ключевое слово – *нарочно*, Достоевский заставляет себя «злиться» на любимого им племянника: это своего рода моральный эксперимент.

Он всегда будет благорасположен к своему полному тезке, который, как он полагает, «ужасно похож, по сущности своего характера, на покойного брата Мишу». Он внимательно следит за его музыкальными успехами. (У Федора, как и у его младшей сестры Марии, музыка станет профессией.) Его радует, что своими трудами Федя кормит семью. Для него он «бравый малый», которому непременно надо помочь. «Я его люблю очень. И тоже готов бы все отдать, да куда нечего», – пишет он в момент собственного безденежья, когда замедливается очередная выплата семейству брата.

Ученик А.Г. Рубинштейна, Федя закончит консерваторию и уедет в Саратов, где будет преподавать фортепианную игру в местном Мариин-

13. Существует устное предание, согласно которому для такого именованья имелись не только нравственные причины.